

Зейнеп САХРА

печенье для ЛЮБИМОЙ

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2026

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)
С22

Zeynep Sahra
Kırmızı Kurabiye

First published by Ren Kitap Yayın Dağ. San. Tic. Ltd. Şti.
Russian translation rights arranged through
Kalem Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

Перевод с турецкого: *Иван Александров*

ISBN 978-5-17-159626-2

© 2016 Zeynep Sahra
© Иван Александров, перевод, 2026
© Диана Бигаева, оформление, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЧИТАТЕЛЯМ...

«Я всегда чувствую себя счастливым. Знаете, почему? Потому что я ничего не жду от других. Ожидания всегда приносят боль. Жизнь коротка. Так что любите свою жизнь. Будьте счастливы и продолжайте улыбаться. Живите только для себя и:

- *Прежде чем говорить — слушайте,*
- *Прежде чем писать — думайте,*
- *Прежде чем тратить — зарабатывайте,*
- *Прежде чем молиться — прощайте,*
- *Прежде чем ранить — чувствуйте,*
- *Прежде чем ненавидеть — любите,*
- *Прежде чем сдаваться — боритесь,*
- *Прежде чем умереть — живите.*

Такова жизнь. Чувствуйте ее, проживайте ее и наслаждайтесь ею».

У. Ш.¹

¹ В интернете эту цитату приписывают Уильяму Шекспиру, однако настоящий ее источник неизвестен (здесь и далее прим. редактора).

«Человек любит того,
чья рана — такая же, как у него...»
Уильям Шекспир¹

¹ В действительности цитата принадлежит турецкому поэту XX века Эдже Айхану.

ГЛАВА 1. ПЕЧЕНЬЕ

— Не понимаю, почему мы не можем просто прийти в консульство и пожениться?

Я вынула ключ из замка. Эмир ворчал все время, пока мы шли до моей квартиры. Хотя, пожалуй, «ныл» — более точное слово.

— «Бонджорно¹! Мы два безумно влюбленных человека, и мы хотим пожениться. Капиш?²» Вот и все! От нас больше ничего не требуется!

Я бросила свою сумочку с ключами на диван. Эмир определенно не собирался прекращать зудеть.

— Ты сказала, что мы пойдем после завтрака. Я съел целый поднос тех яблочных пирогов. Да, они были восхитительны, но сладостей под грозным взглядом синьоры Анджелы ранним утром недостаточно, чтобы унять мое желание жениться. — Он положил руку на живот. — И кстати, моему желудку они тоже особой пользы не принесли.

Я повернулась к нему и приблизила свое лицо к его:

— Потому что «и сладчайший мед нам от избытка сладости противен»³, — прошептала я и отстрани-

¹ Доброе утро! (Ит.)

² Понятно? (Ит.)

³ «Ромео и Джульетта», акт II, сцена VI (здесь и далее текст пьесы в переводе Т. Щепкиной-Куперник).

лась. — И кстати, сообщаю тебе в двадцатый раз: в Вероне никто, кроме тебя, не говорит «капиш».

Эмир надулся. Он понимал, что я пытаюсь сменить тему:

— Ты сказала, что мы поженимся сегодня, Джульетта.

Я сжала губы, чтобы не улыбнуться. С первой же встречи я была его Джульеттой. А он, хоть я сопротивлялась долго, со временем стал моим избалованным Ромео. То, что я сначала считала просто безобидными шутками, пустило в моем сердце такие корни, что я в итоге приняла наши роли. Мы были уже не просто Сахрой и Эмиром — мы были Ромео и Джульеттой.

Его ярко-голубые глаза по-прежнему выглядели невинно, как у ребенка. Подавляя желание коснуться его милого лица, я состроила высокомерную мину:

— Да, я сказала, что мы можем пожениться сегодня, но я уже передумала. Мне кажется, ты мог бы еще раз попросить моей руки у синьора Лоренцо за чашкой хорошего турецкого кофе. Капиш?

Красивое лицо Эмира подозрительно сморщилось:

— Ты шутишь, да?

Я на самом деле шутила. Но, когда эти слова слетели с моих губ, я почувствовала ком в горле. А вдруг я действительно этого не хочу? Я покачала головой:

— То, что я не в Чыкмазе, не значит, что я забыла его правила, дорогой Ромео.

Да, я больше не жила в своем безопасном стамбульском районе, в Чыкмазе. Я буквально уехала на край света ради любви. В Верону... Город Ромео и Джульетты. Наш город...

Технически я уже была выпускницей медицинского факультета. Оставалось всего несколько месяцев до официального вручения диплома, а я тянула время, не желая выходить за любимого человека в своей веронской квартире. Я определенно хотела за него замуж, но

между нами лежали почти пять лет... Именно столько лет мы не виделись.

Если бы я могла объяснить причину этой разлуки!.. Но ее не было. Подозрения, которые когда-то разлучили нас, уже давно стерлись из моего сердца и разума. Они были убраны в коробку, как детские воспоминания, и отправлены на пыльную полку. И меня совершенно не беспокоили.

Однако именно Эмир невольно оставил между нами эти долгие пять лет.

Теперь, когда мое сердце было переполнено им, он настойчиво подгонял меня зажить под общей фамилией. А для меня оставаться Джульеттой было более чем достаточно — я никогда и не помышляла о том, чтобы стать женой Эмира Ханзаде. Значение имел сам этот красавец передо мной. Эмир. Мой Ромео. Моя головная боль. Но сам он почему-то считал брак важным. И даже очень.

Когда его красивые губы еще сильнее надулись, я не смогла сдержать улыбку. Прикоснулась ладонями к его лицу. Взгляд голубых глаз встретился с моим, и я улыбнулась шире. Он был точь-в-точь как капризный мальчишка. Я оставила легкий поцелуй на его щеке и отстранилась:

— Солнце вошло всего несколько часов назад, Эмир. Я выйду за тебя замуж, но не в платье, которое носила весь вчерашний день.

Я весело подпрыгнула на месте, приподняла ногу и скинула по очереди свои туфли на каблуках. Перебросив волосы на одно плечо, потянулась к молнии на своем красном платье:

— Пока я переодеваюсь к свадьбе, ты можешь принять душ. Я хочу, чтобы мой будущий муж пах итальянским шампунем, когда мы будем произносить клятвы.

Прежде чем я поняла, что происходит, Эмир резко развернул меня к себе. Я даже руки не успела опустить. Обхватив мою талию, он развратно ухмыльнулся:

— Я могу остаться с тобой. Мало ли, с платьем что-то пойдет не так. — Он быстро окинул меня взглядом. — Например, ты можешь запутаться в подоле и упасть.

Его горячее тело излучало энергию, которую было невозможно игнорировать. Но пришлось. Во-первых, я должна была дожидаться свадьбы, как приличная девушка, а во-вторых, я знала, что глубокому порезу на его животе нужно время, чтобы зажить. Эмир сказал, что получил эту рану, когда гнал за карманником. И все из-за какого-то фотоаппарата! Ну что за ненормальный!

Я опустила руки и решительно пихнула его в грудь:
— Иди в душ, Ханзаде!

Попятившись на несколько шагов, он окинул меня озорным взглядом. Поднял пальцы к воротнику рубашки. Голубые глаза были прикованы ко мне. Эмир принялся расстегивать пуговицы, наблюдая за мной. Я старалась не поддаваться тому влиянию, которое оказывал на меня вид его постепенно обнажающихся напряженных грудных мышц. Но, когда появились кубики пресса, я уже не могла отвести взгляд. Губы Эмира искривились. Он стянул рубашку и швырнул на диван поверх моей сумки:

— Скажешь это «красавчикам» лично?

Эмир называл так свои кубики. Звучало странно, но выглядели они и вправду впечатляюще — в чем я, конечно, никогда не призналась бы ему. Вместо этого я собрала остатки самообладания и непререкаемым тоном велела:

— В душ! — Мой взгляд на секунду скользнул по его пострадавшему животу. Повязка придавала Эмиру еще более опасный вид. Я прикусила нижнюю губу и нервно добавила: — Немедленно!

Сначала он громко хихикнул, затем скривил губы с озорным видом:

— *Позволь остаться мне...*¹

Я не собиралась поддаваться его милым уловкам. И ответила ему же его же оружием, добавив в голос драматичности:

— *Прости, прости. Прощанье в час разлуки
Несет с собою столько сладкой муки,
Что до утра бы мог прощаться я*².

Эмир обычно говорил это, когда поутру подвозил студенток в общежитие. В его лексиконе эта строфа была предназначена для того, чтобы отвязаться от девушки. По его взгляду я видела, что он тоже это помнит.

И все же он улыбнулся. Его не волновало, что против него используют его же собственные трюки.

— *Когда б не радости великой зов,
С тобой я век остаться бы готов*³.

Направляясь в ванную, он решил добавить драмы и, воздев руки, с преувеличенным пафосом продекларировал:

— *Остаться легче мне — уйти нет воли.
Привет, о смерть! Джульетта хочет так*⁴.

Закончив свою сцену, Эмир с ухмылкой закрыл дверь ванной, а я не стала сдерживать смех. Могу поспорить, после свадьбы «красавчики» будут сильно отвлекать меня от дел. Я прогнала эту восхитительную картину из головы не без удовлетворения: в будущем мне не на что будет жаловаться.

Отодвинув тонкий тюль на балконном окне, я распахнула двустворчатую дверь настежь и вышла на балкон. Оранжевое солнце, поднимавшееся в небе, щедро дарило свой свет оживающим улицам. Италия прекрасна в любое время года, но летом она особенно ска-

¹ «Ромео и Джульетта», акт II, сцена II.

² Немного перефразированные строки из «Ромео и Джульетты», акт II, сцена II.

³ «Ромео и Джульетта», акт III, сцена III.

⁴ «Ромео и Джульетта», акт III, сцена V.

зочна — пусть даже моя маленькая квартирка с видом на крошечную площадь слишком легко напитывалась веронской жарой.

Теплый ветерок овеял кожу, и я снова зашла внутрь, расстегивая молнию на платье. Подойдя к шкафу, окинула взглядом свои наряды.

Что, вообще, надевают, когда идут под венец?

Белое, ясное дело. Но из четырех вещей этого цвета две были моими врачебными халатами — они сразу выбыли из конкурса. Из оставшихся белых одно было простым платьем с плиссированной юбкой. У другого были пышные оборки на груди, талии и подоле. Я купила его для танцевальных курсов, на которые меня записала Наз. После трех занятий я поняла, что мадемуазель Наз просто-напросто охотилась за симпатичным преподавателем, и вернулась домой с распухшими пальцами ног, пока она уходила под руку с итальянским танцором.

Наз была моей единственной подругой в Вероне. Выросшая в Германии турчанка, она впитала черты обеих наций. Трудолюбивая, честная, смелая и совершенно безумная. Снимая с вешалки белое платье, которое она мне навязала, я признала, что у нее хороший вкус.

Примеряя платье с оборками перед зеркалом, я улыбнулась. Да, в таком невеста может выглядеть вполне неплохо. В конце концов, женихом будет Эмир, а рядом с Эмиром ничто не может выглядеть плохо. Прислушавшись к шуму льющейся в ванной воды, я улыбнулась еще шире и в предвкушении прикусила нижнюю губу. Даже воображать Эмира в чем-то похожем на свадебный костюм, уже волновало. Его красота не была относительной. Женщины замечали его в любой точке мира. Желая выглядеть ему под стать, я быстро оделась.

Покрутившись перед зеркалом, я довольно кивнула сама себе. Это платье определенно сойдет за свадебное. Да и гостей будет немного. Вообще-то, никого. Совсем никого...

Внезапно я поникла. Энтузиазм без следа растворился в теплом воздухе. Рядом не будет людей, которых я люблю...

Наз и синьор Лоренцо, в чью закусочную я ходила каждый день, конечно, будут. Еще я приглашу синьору Анджелу, владелицу пекарни в нашем доме. Может, пара кузенов синьора Лоренцо тоже придут... Но... Со мной не будет тех, кто действительно знал меня, кто жил вместе со мной, кто меня вырастил, кто помнил мое прошлое, кто знал не только Джульетту, но и Сахру. Ни мамы, ни папы, ни Эрвы, ни Дамлы, ни Су, ни Мине-аблы, ни кого-то еще из Чыкмаза... Никто из них не увидит меня в этом белом платье.

Подняв голову, я посмотрела на фотографии родителей на площади нашего района, с улыбкой держащих меня, маленькую, за руки, и Эрвы, занявшие свое место среди билетов на «Ромео и Джульетту», украшавших мою стену. И, не думая о том, что оборки платья помнутся, опустилась на край кровати.

Мое улетучившееся воодушевление тихо вытекало через открытую балконную дверь на улицы Вероны. Я повернулась к зеркалу. Зачем мы вообще так торопимся? Эмир сказал, что не хочет ждать ни секунды из-за лет, проведенных врозь. В каком-то смысле он прав, но теперь-то мы нашли друг друга. Разве может кто-то встать между нами, когда мы так крепко держим друг друга? Неужели он все еще беспокоится о детских чувствах, которые я оставила в Чыкмазе годы назад? Неужели волнуется из-за того, кого я оставила там?

Я подумала об этом человеке.

Об Ахмете...

Прошли годы с тех пор, как он последний раз приходил мне на ум. Я непроизвольно улыбнулась воспоминаниям, всплывшим в памяти. Я выросла с ним. Бежала с ним, падала с ним, разбивала с ним колени. С ним мои ссадины покрывались коркой. Ахмет был первым, кто пробудил мое сердце. Ему принадлежали те невинные чувства, которые теперь казались мне такими далекими, будто целая вечность прошла. Но это и все. С ним было не так, как с Эмиром. Эмир был другим... Совсем. Рядом с Эмиром я становилась самой красивой женщиной на свете. Самой умной, самой привлекательной, самой веселой, самой влюбленной...

С Эмиром я нашла себя. С Эмиром все мои раны зажили. С Эмиром я была в безопасности — настолько, что больше никто никогда не мог причинить мне боль. С Эмиром я была достаточно храброй, чтобы не бояться никакой боли. И Эмир знал это.

Или нет? Неужто его не убедили подаренный им стетоскоп, висящий на моей стене; билеты на каждый спектакль, который я смотрела будто с ним; все эти вечера, что я ждала его в саду Джульетты? Неужели ему действительно требовался чернильный штамп, чтобы убедиться, что я люблю его?

Поглядев на свое отражение в зеркале, я заметила, что хмурюсь. В моих синих глазах хаотично мелькали мысли. Я снова окинула взглядом платье. Оно больше не казалось таким подходящим, как минуту назад, а снова превратилось в обычное белое платье.

Что плохого в том, чтобы отложить свадьбу на несколько дней? Я могла бы купить новое платье. Пусть скромное, зато настоящее свадебное. Я подняла голову. Задумалась глубже. Я могу закончить с формальностями в клинике Вероны за пару дней и уехать в Стамбул, в Чыкмаз. Могу поставить ту же подпись, когда рядом будут любимые люди. Почему Эмир так настаивает на том, чтобы делать все немедленно?

Мои мысли прервал стук в дверь — пришлось усилием воли усмирить бурю в голове. Из ванной все еще доносился звук воды. Медленно встав, я спокойно подошла к деревянной двери. Посмотрела в глазок, но никого не увидела. Наверное, послышалось. Я уже собиралась уйти, когда в дверь еще раз тихо постучали. Я снова посмотрела в глазок — по-прежнему никого. Нахмурившись, я осторожно приоткрыла дверь.

— Ола, сеньора! — послышался тонкий голосок.

Распахнув дверь шире, я увидела стоящую передо мной девочку, такую же тоненькую, как и ее голос. Мои нахмуренные брови мгновенно разгладились: девочка была невероятно милой... Рыжевато-каштановые короткие волосы, круглые темно-синие глаза, маленький нос и жемчужные зубки, которые сверкали, когда она улыбалась. В своем белом платице она выглядела как настоящий ангелочек.

— Ола... — ответила я.

Это был испанский. В нашем районе часто селились семьи туристов — видимо, малышка была одной из них. Обычно они не стеснялись стучаться в двери, чтобы продать печенье или что-то подобное. Я тепло улыбнулась ей.

— Ты продаешь печенье? — спросила я по-английски.

Она покачала головой, и ее рыжие волосы заколыхались вокруг щек:

— Нет, мэ, я люблю печенье слишком сильно, чтобы его продавать.

Я невольно улыбнулась. В ее английском слышался легкий акцент, но девочка выговаривала слова очень правильно, а сам тон ее голоса согревал душу.

— Значит, ты очень любишь печенье? — Мне захотелось поболтать с ней. Она прямодушно кивнула. — Знаешь, я в детстве тоже очень любила круассаны. Думала, что ничего вкуснее на свете не бывает.

Малышка на секунду задумалась:

— А что случилось потом?

— Потом я однажды нашла кое-что, что полюбила еще сильнее. И с того дня больше не ела круассанов.

Ее глазки стали такими круглыми, что мне пришлось сжать губы, чтобы не рассмеяться. Личико девочки погрустнело, и я, не выдержав, поспешно добавила:

— Но у тебя все может быть иначе.

Она снова задумалась на пару секунд, потом повернулась ко мне с видом мудреца:

— Мой папа говорил: «Если найдешь что-то, что полюбишь по-настоящему, не выпускай это из рук никогда, потому что большинство людей тратят всю жизнь, пытаясь это найти». Поэтому, думаю, я буду любить печенье вечно.

Я улыбнулась, впечатленная:

— Твой папа, видимо, знает толк в жизни.

Девчушка гордо улыбнулась. Несмотря на то что говорила она с подчеркнутой взрослой серьезностью, ей вряд ли могло быть больше четырех-пяти лет. Она смотрела на меня так тепло, будто давняя знакомая. Так что, вместо того чтобы спросить, зачем она пришла, я поинтересовалась:

— Как тебя зовут?

Девочка покачалась на месте, придерживая подол платья.

— Роза, — сказала она, выделяя звук «р».

Я улыбнулась. Собиралась сказать, что это прекрасное имя, но в этот момент дверь ванной открылась. Я рефлекторно повернула голову. В прихожую вышел Эмир с обернутым вокруг талии полотенцем, пытаясь другой рукой высушить мокрые волосы. Капли воды стекали по его коже, и он со своими «красавчиками» выглядел настолько эффектно, что мне захотелось прикусить губу. Картина прекраснее самой Вероны.

Когда ярко-голубые глаза Эмира встретились с моими, его губы растянулись в озорной ухмылке. И мир разом превратился в куда более чудесное место. Все мои вопросы исчезли. Все сомнения, все противоречия растворились. Я должна выйти за него замуж. Все остальное не имеет значения. Как и все вокруг, мое белое платье снова обрело прежнюю красоту, сделавшись свадебным. Как я и говорила — рядом с Эмиром все становится прекраснее.

Я и забыла о присутствии девочки. До того самого момента, когда та вдруг влетела в приоткрытую дверь и, бросившись на шею моему будущему мужу, закричала:

— ПАПА!

